

ИЗ ИСТОРИИ ОНОМАСТИКИ

Г. Б. Мадиева

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Казахская ономастика, как и ономастика других тюркских народов на территории бывшего Советского Союза, зарождалась в недрах российской лингвистики. Начальные сведения о тюркских именах собственных (прежде всего топонимах) можно найти в трудах известных русских ученых Н. А. Аристова, В. В. Бартольда, Г. Е. Грум-Гржимайло, Г. А. Левшина, П. Мелиоранского, П. Палласа, Г. Н. Потанина, В. В. Радлова, С. М. Тянь-Шанского и др., научные интересы которых в той или иной степени были связаны с изучением тюркских земель. Большой вклад в изучение тюркских имен собственных (далее — ИС) внесли такие ученые-тюркологи, как В. А. Баскаков, Д. Д. Васильев, Б. Я. Владимирцов, С. Г. Кляшторный, А. Н. Кононов, С. Е. Малов, Д. Насилов, Е. Д. Поливанов, А. М. Щербак и др., занимавшиеся изучением тюркских языков. В середине XX в. к фактам родной ономастики обращаются и казахские лингвисты.

У истоков казахской ономастики

Осмысляя труды предшественников казахской ономастики как самостоятельной научной области, необходимо прежде всего обратиться к трудам известных казахских лингвистов А. Байтурсынова, К. Жубанова, С. Аманжолова, А. Искакова и др. Именно они в 1930–50-е гг. стали обращать пристальное внимание на ономастический материал при описании фонетических изменений в слове, изучении истории казахского языка и его диалектных особенностей, этимологизации родо-племенных названий, исторически характерных для иерархически организованной родовой структуры казахского общества и т. п.

Так, в научном наследии выдающегося казахского ученого Ахмета Байтурсынова приводятся общие правила написания казахских слов, которые иллюстрируются на материале не только нарицательной лексики, но и собственных имен. В частности, А. Байтурсынов отмечает, что если сингармонизм компонентов парного слова совпадает, то оно пишется слитно (*Балжан, желкесер*), если парное слово состоит из компонентов с разным сингармонизмом, то оно пишется через дефис (*жел-бау, торе-тай, Мурат-бек*); различаются основа слова и его форма, так как при наличии единой основы слова могут иметь разную форму. В этом случае А. Байтурсынов имеет в виду орфографические и орфоэпические нормы, когда при произнесении слова под действием фонетических

законов наблюдается изменение его внешней (звуковой) оболочки, но на письме необходимо соблюдать орфографическую норму, т. е. пишется та основа, от которой произошло слово (слово *жуг-аяк* нужно писать как *жук-аяк*, *Кара-гоз* как *Кара-коз*) [Байтурсынов, 1992].

Однако А. Байтурсынов не учитывал специфику онимов, которые не всегда подчиняются правилам написания нарицательной лексики. Расхождения орфоэпических и орфографических норм могут быть обусловлены тем фактом, что имя собственное, изначально состоящее из нескольких слов, в дальнейшем стремится к цельнооформленности. По этой причине приведенные А. Байтурсыновым имена собственные, состоящие из двух основ (например, *Мурат-бек*, *Кара-коз*), в которых не соблюдается закон сингармонизма, принято писать не через дефис, как предлагает ученый, а слитно. Кроме того, в антропонимике такие имена, как *Ботагоз*, *Бахытгельды* и др., сохраняют на письме орфоэпическую норму, являющуюся результатом ассимиляции (ср. аппеллятивные конструкции *бота коз* «глаз верблюжонка»; *бакыт кельди* «счастье пришло» и т. п.).

Интересны наблюдения А. Байтурсынова над уменьшительными и неполными формами казахских личных имен, в частности образованными с помощью суффикса *-еке* со значением уважительности (*Ысмайыл* — *Ыс-еке*). Кроме того, им отмечено, что суффикс *-еке* в основном употребляется по отношению к взрослым людям, а в разговоре с младшими по возрасту к личному имени прибавляются иные суффиксы, например *ман*, *ан*, *ш*, *жан*: *Турмагамбет* — *Турман*, *Ермагамбет* — *Ержан*, *Космагамбет* — *Косан*, *Жумагали* — *Жумаш* [Байтурсынов, 1992, 215]. Некоторые из этих уменьшительно-ласкательных или неполных форм имен в настоящее время употребляются как самостоятельные личные имена и утратили первичное значение (*Ержан*, *Жумаш* и др.).

В комментариях А. Байтурсынова можно увидеть истоки современных функционально-прагматических исследований ИС. Так, важное значение имеет изучение прагматического значения вариантов имен с суффиксами субъективной оценки, которое проявляется в определенном коммуникативном контексте.

А. Байтурсынов обращает внимание на синтаксическую функцию имен собственных: в зависимости от позиции в предложении и смысловой нагрузки имя собственное может выступать как в функции подлежащего, так и в функции определения. Этот факт демонстрирует способность ИС выполнять прагматическую функцию уточнения, дифференциации и идентификации. Кроме того, такие компоненты, как *хан*, *батыр*, *бек*, *би*, используемые в дополнение к основному имени, являются сословными титулами, своего рода маркерами социального статуса личности и определяют иерархически организованную структуру общества до XX в. Титул с течением времени вошел в состав ИС и, превратившись в его неотъемлемый компонент, стал писаться слитно: *Темирхан*, *Болатбек*, *Есбатыр*, *Курманбай* и др. Однако многие исторические имена с сословными титулами пишутся раздельно: *Абылай хан*, *Касым хан*, *Айтеке би*, *Кобланды батыр* и др. Личные имена, имеющие при себе подобные компоненты, являются социально маркированными, хранятся в памяти казахского народа и поэтому легко узнаваемы носителем языка.

При исследовании начальной стадии формирования казахской ономастики невозможно не отметить деятельность казахского лингвиста Сарсена Аманжолова, в трудах которого определяются истоки нескольких проблемных направлений, сыгравших важ-

ную роль в становлении этнонимии, антропонимии, топонимии и актуальных в настоящее время проблем образования, мотивации имен собственных, их этимологического анализа (в том числе проблемы происхождения казахских (тюркских) родо-племенных названий), диалектных особенностей ИС, перевода и транслитерации иноязычных ИС, функционирования ИС в межкультурной коммуникации. Это не весь перечень проблем, намеченных С. Аманжоловым, решение которых способствовало развитию ономастической мысли в Казахстане. Отметим несколько ключевых моментов в научной деятельности ученого, касающихся имен собственных.

В одном из его основных трудов — «Вопросы диалектологии и истории казахского языка», посвященном этногенезу казахского народа и его языка, — детально рассматриваются как история самих племен, вошедших в состав казахской нации, так и их названия. Казахские этнонимы и генонимы образуют значительный пласт лексики и практически не изучены, так как в казахской (шире — тюркской) ономастике нет специальных исследований по тюркской этнонимике (не считая отдельных работ). Опираясь на труды Рашид-Эд-дина, А. Левшина, Н. Аристова, В. Бартольда, В. Радлова, Н. Катанова и др., С. Аманжолов критически подходит к их изысканиям и представляет свое видение общественных отношений родовой и патриархально-феодальной организации прошлого казахов. К своему исследованию ученый привлекает родовые тамги как важные указатели этнического состава племен и родов [Аманжолов, 2001, 20; первое издание — 1935 г.].

Помимо тамговых знаков, у каждого рода или племени были ураны (уран — боевой клич), которые имели названия: *канглы* — *Айырылмас (Байтерек)*, *ысты* — *Жауатар, найман* — *Каптағай* и т. д. Эти названия можно считать именами собственными, поскольку они идентифицируют определенный род или племя, дифференцируют его на фоне других племен.

По мнению Е. А. Керимбаева, названия уранов (уранонимы) можно квалифицировать как онимические историзмы, характеризующие родо-племенную организацию казахов и их военно-политическую атрибутику. Они являются вербальным кодом традиционной народной культуры, своего рода магическим символом, обладающим объединяющей силой. Неслучайно в качестве уранонимов используются как имена предков, так и имена людей, которые в силу своих организаторских способностей, героических поступков или мудрых деяний были возведены в ранг героев, святых. Такие уранонимы, кроме объединяющей, должны были выполнять и охранительную функцию (заступническую, дающую мощь, силу в боевых действиях, в ситуациях, опасных для жизни целого родового коллектива или его представителя). Название урана должно было быть связано с именем патрона, что обусловлено мифологическими представлениями о сакральности ИС, в данном случае — личного имени [Керимбаев, 1995, 144–145].

Интересны наблюдения С. Аманжолова относительно географических названий, которые ученый привлекает в качестве неоспоримых доказательств сходства орхонских надписей с современными казахскими диалектами, например: «В Казахстане, где расположены многие древние племена, сохранилась окостенелая форма окончаний географических названий типа *Алматы* (вместо *Алмалы, Алмалык*); это напоминает устойчивое окончание глаголов в орхонских памятниках: *барты, алты* (вместо *барды* «пошел», *алды* «пришел»)). Или же, опираясь на данные С. Малова, автор пишет: «Известно, что почти во всех тюркских языках топоним *Иртыш* произносится через *ш*, а в казахском

и в орхоно-енисейском через *с*», — и приводит целый ряд параллельно существующих слов, в том числе диалектизм, которые обуславливают вывод о происхождении казахского языка.

Ученый обращает внимание на окончания географических названий типа *Мойынты*, *Буданты*, которые являются окостенелыми, застывшими и способны пролить свет на историю языка.

Тонкие наблюдения над географическими названиями (топонимами), привлечение их к анализу в качестве фактов языка способствовали повышению внимания к именам собственным, к их важной роли в разрешении различных вопросов происхождения, образования языка, смешения языков и др. Так, доказать тюркское происхождение найманов — одного из крупных родов Среднего жуза родо-племенной организации казахов — позволило привлечение С. Аманжоловым данных антропонимии. Скрупулезный анализ личных имен в исторических документах дал ученому возможность утверждать, что «не только имена и титулы ханов найманских оказались тюркскими, но и имена женщин, названия местностей и т. д.» [Аманжолов, 2001, 74].

Исследуя проблемы словообразования казахского языка, С. Аманжолов не оставил в стороне и образование онимов. Работы современных ономастов Казахстана подтверждают мнение ученого о том, что основным способом образования казахских топонимов и антропонимов является словосложение. Наибольшее количество антропонимов и топонимов представляют собой определительную конструкцию, которая в момент своего появления могла характеризовать конкретный признак объекта. С течением времени в результате топонимизации или антропонимизации эта конструкция превращалась в двух-, трех- и более компонентные модели сложных онимов.

Анализируя казахские личные имена, С. Аманжолов выделяет 9 мотивов, действующих при их создании: пожелание прожить хорошую, счастливую жизнь (*Омар*, *Оспан*); пожелания долголетия (имена-обереги *Шулгау* «портянки», *Ултарак* «стелька»); пожелание, чтобы у ребенка был хороший характер (*Жибек* «шелк»); пожелание, чтобы ребенок был почитаем, как хан (бай) (*Омархан*); указание на определенное природное явление (*Айтуар* «луна взойдет», *Кунтуар* «солнце взойдет»); указание на какое-либо событие, произошедшее в данном ауле, доме (*Аманкелды* «благополучно вернулся»); указание на обстоятельства рождения ребенка (*Сурабалды* «выпросил»); связь с названиями местности, рек, гор (*Алтай*, *Орал*); имя, данное после Октябрьской революции (*Роза*, *Марат*, *Тельман* — имена, имеющие интернациональное значение) [Аманжолов, 2002¹, 76]. Проведенная классификация может по праву считаться одной из первых семантических классификаций казахских имен.

Интересны суждения С. Аманжолова о переводе имен собственных. В частности, он полагает, что географические названия вообще не следует переводить, для перевода же географических терминов необходимо использовать богатые ресурсы казахского языка (*полуостров* — *тубек*, *дельта* — *атырау*). По мнению ученого, необходимо узаконить правописание слова *Алма-Ата* в виде *Алматы*, как пишут и произносят казахи;

¹ Статья впервые напечатана в журнале «Пионер» (1949, № 4) и вошла в сборник статей С. Аманжолова, изданный в 2002 г. его сыном — д-ром филол. наук, проф. А. С. Аманжоловым.

следует вернуть исконный облик географическим названиям, искаженным в годы царизма (*Кустанай*, *Тургай* и т. д. на *Костанай*, *Торгай* и т. д.) [Аманжолов, 2002, 214–216].

Крайне важными для становления ономастики в Казахстане являются положения, рассматриваемые виднейшим казахским лингвистом Худайбергенем Жубановым. В своем труде «Из истории порядка слов в казахском предложении» Х. Жубанов значительное место отводит исследованию собственных имен.

Наблюдения над структурой казахских предложений и словосочетаний позволили автору сделать существенные выводы относительно образования казахских личных имен и сочетаемости определительных элементов в их структуре. Так, говоря о существовании незыблемого, на первый взгляд, закона строго фиксированного порядка слов, ученый отмечает, что «этот порядок ... не был изначальным. Ибо в самом современном казахском языке налицо значительные перебои, что заставляет задумываться над причинами подобного нарушения норм существующего синтаксиса языка и видеть в них образцы норм, некогда господствовавших, но затем вытесненных новыми», т. е. «казахский язык, вернее языки, из которых он слагался, знал такой порядок размещения членов предложения, который был диаметрально противоположным теперешнему» [Жубанов, 1966, 33–34]. Прежде всего, это утверждение касается таких сочетаний в функции онимов, как *Кун сулу* «солнце + красивый», *Ай сулу* «луна + красивый», *Кун жарык* «солнце + яркий» или «день + светлый, ясный», которые в современном казахском антропонимиконе пишутся слитно, так как с течением времени произошло сращение двух компонентов в единое целое, воспринимаемое в настоящее время как неделимая антропонимическая единица.

В именах, образованных на основе словосочетаний, определение следует за определяемым словом, что не соответствует нормам современного казахского языка. Здесь важно замечание автора о том, что «личные имена, будь они простые или сложные, безразлично, представляют собой выражение либо атрибута некоей субстанции, либо же предиката некоего субъекта. В первом случае субстанцией, во втором — субъектом мыслится лицо, носящее имя. Так что полный перевод вложенных в вышеперечисленные имена (имеются в виду имена *Кун сулу*, *Тан жарык*. — Г. М.) мыслей может быть таков: (это) — красивое солнце, (это) — светлое солнце и т. д.». Имена, образованные по этой модели, заключает Х. Жубанов, «не могут быть синтаксически расшифрованы в пределах современных норм». Такие образования «можно отнести к тем отклонениям, которые своим строением сохранили старый порядок слов, где определяемое предшествует определению» [Там же, 38, 44].

Для развития ономастической мысли ценны замечания Х. Жубанова о порядке следования таких компонентов, как *бай* ‘богатый’, ‘богач’, *батыр* ‘богатырь’, *сулу* ‘красивый’, *кул* ‘батрак, слуга’ и др. Анализируя ряд примеров (*Койлыбай* «баран + богатый», *Сиырбай* «корова + богатый», *Итбай* «собака + богатый» и др.), Х. Жубанов делает вывод о том, что «эти определители обладают силой свободно располагаться по обеим сторонам своих определяемых». Подобная неустойчивость компонентов и, на первый взгляд, хаотичность их расположения могут быть объяснены исторически: «Единственно правильным подходом к решению вопроса может быть только признание исторической реальности существования в прошлом такого синтаксиса, который знал обратный современному или не свойственный современному порядок слов» [Там же, 55].

Сочетаемость компонентов сложных личных имен Х. Жубанов сравнивает с сочетаемостью чисел и приходит к выводу о том, что «слова, в отдельности имеющие известное непосредственное значение, находясь в сочетании, вступают в определенные отношения друг с другом и в зависимости от этого приобретают дополнительно относительное значение, что, в конечном счете, определяет, уточняет самое собственное значение слова».

Анализируя синтаксис сложных имен, Х. Жубанов отмечает, что в них «имеет место некоторая образность — словесная невысказанность всей мысли, какая вкладывается в имена... Имена, в составе которых имеются географические названия, вроде *Едил* (Волга), даются для того, чтобы отметить этим место рождения ребенка. В действительности же состав слова *Едилбай* недостаточен, чтобы выразить эту мысль, полным выражением которой было бы *Едилде туган бай* “богач, родившийся на берегу Волги”» [Жубанов, 1966, 53]. Необходимо отметить, что компонент *бай*, по нашему мнению, в подобных именах теряет первичное значение и становится имяобразующим суффиксоидом, который, вероятно, означает ‘обладание, наличие’ (ср. *Жолдыбай*, где *жол* ‘дорога’ + *-ды* ‘аффикс обладания или наличия чего-либо’ + *бай* ‘богатый’, ‘богач’; *Жетписбай*, где *жетпис* ‘семьдесят’ + *бай* ‘богатый’, ‘богач’).

По мнению ученого, каждое имя при классификации должно быть рассмотрено индивидуально, дифференцированно, поскольку не всегда имена создаются по единой, универсальной модели и у каждого из них своя история создания. Кроме того, необходимо помнить, что личные имена — это образные выражения, в которых информация не дана «прямо и полностью». Его высказывание заставляет вспомнить о разрабатываемой в современной ономастике идее топонима как свернутого текста [см., например: Горбаневский, 1994]. Эта концепция применима и к антропонимам, поскольку и в них человек вкладывает определенное содержание, способствующее не только выполнению номинативной функции, но и выражению определенных интенций (например, убеждение новорожденного от жизненных невзгод, дурного глаза и т. п.). Как видим, Х. Жубанов, не развивая дальше этой идеи, высказывает мысль о том, что имена могут развиваться до полного выражения их содержания.

В этих и других комментариях ученого можно увидеть истоки таких направлений ономастики, как синтаксис имен собственных; лексическая сочетаемость компонентов ИС; морфология ИС; происхождение ИС; этимология ИС; когнитивная ономастика и т. д.

Рассматривая сложные личные имена, Х. Жубанов упоминает названия родов и племен, которые являются одним из источников идентификации как целой группы людей, так и отдельного человека, принадлежащего к этой группе. Он подчеркивает, что «возникновение личных имен — явление позднее. До возникновения же личных имен отдельные личности носили общее имя племени или рода... При новых обстоятельствах, вызвавших более сложные взаимоотношения между членами общества, возвысивших значение личности, старый способ обозначения индивидуумов по имени всего коллектива был недостаточно выразительным, и возникла необходимость уточнить общее племенное или родовое название новыми, долевыми названиями — личными именами» [Жубанов, 1966, 48]. Это замечание правомерно соотносить с образованием географических названий, когда в начальный период формирования появлялись топонимы, обозначающие географические реалии по их главному геоморфологическому при-

знаку, т. е. *река, гора, море* и т. п.; затем, по мере познания мира, назрела потребность в дифференциации однопорядковых объектов, более конкретном членении объективной действительности. Подобным образом появились названия типа *Балыксу* «рыбная река или река, которая богата рыбой», *Шыбындысу* «река, где изобилуют мухи», *Аккол* «белая река», *Узынкол* «длинная река» и т. п.

Мысли первых казахских ученых-лингвистов об именах собственных нашли и находят свое развитие и продолжение в ономастической науке Казахстана.

Развитие ономастических исследований в Казахстане

В современной парадигме казахстанской лингвистики ономастика функционирует как отдельная научная дисциплина, имеющая свои собственные основания (историю развития, предмет, цель и задачи), свой обширный ономастический материал, разрабатывающая общую теорию предмета и включающая частные (региональные) исследования, необходимые для построения общей теории имени собственного, а также проблемные области и перспективные направления. Свой научный статус казахская ономастика получила благодаря систематизированным исследованиям таких ученых, как А. А. Абдрахманов, Т. Д. Джанузаков, А. Т. Кайдаров, Г. К. Конкашпаев, Е. К. Койшубаев, В. Н. Попова, О. А. Султаньяев.

Первое системное топонимическое исследование было проведено в 1949 г. Г. К. Конкашпаевым, географом по образованию, который дал глубокий анализ большого массива топонимического материала с выявлением различных по происхождению топонимов Казахстана и роли географических терминов в их составе. Им же в 1963 г. выпущен первый топонимический труд — «Словарь казахских географических названий».

В 1981 г. в Институте языкознания им. А. Байтурсынова Академии наук Казахстана по инициативе Т. Д. Джанузакова был открыт отдел ономастики, успешно функционирующий и в настоящее время. За период существования сотрудниками отдела собрана богатейшая картотека онимов, основу которых составляют географические названия различных регионов Казахстана. На базе данной картотеки выпускается серия словарей.

В 1949–2010 гг. в Казахстане защищено более 50 докторских и кандидатских диссертационных исследований по ономастике (Г. К. Конкашпаев [1949], А. А. Абдрахманов [1954; 1991²], Т. Д. Джанузаков [1960; 1976], В. Н. Попова [1966; 1997], Е. К. Койшубаев [1967], О. А. Султаньяев [1969], В. У. Махпиров [1980; 1998], Е. А. Керимбаев [1988; 2002], Б. К. Бектасова [1989], М. Кожанов [1989], Г. Б. Мадиева [1990; 2005], К. К. Рысбергенова, [1993; 2010], Г. Сагидолда [1993], Б. Тлеубердиев [1994; 2006], М. А. Диарова [1999], С. К. Иманбердиева [2001], М. Е. Какимова [2004], Ж. Б. Кошпанова [2006], А. Б. Смаилова [2007], Т. М. Абдрахманова [2007] и др.).

В основном работы казахстанских ономастов были направлены на исследование антропонимов и топонимов, а также этнонимов, космонимов, зоонимов. Наиболее изучены терминологический (казахская народная географическая терминология), лексико-семантический, словообразовательный, стратиграфический аспекты казахских собственных имен.

² Первые цифры — год защиты кандидатской диссертации, вторые — докторской.

В последние годы объектом исследований казахстанской ономастики стали периферийные разряды ономастики (собственные имена в художественных текстах различных жанров, имена мифологических объектов, названия периодических изданий, названия производственных предприятий и др.), обладающие своей спецификой, своими структурными типами, моделями, принципами номинации и характеризующиеся определенной системностью. Можно отметить работы Г. К. Ихсангалиевой [2000], С. К. Иманбердиевой [2001], М. Е. Какимовой [2004], С. А. Керимбаевой [2004], Ж. Б. Кошпановой [2004] и др.

Анализ научных исследований различных разрядов ономастического пространства Казахстана в хронологическом порядке представлен в таблице, данные которой наглядно демонстрируют невысокую интенсивность ономастических исследований, а также хронологический и тематический дисбаланс при анализе имен собственных в ономастическом пространстве Казахстана. Таблица составлена на основе данных о защитах докторских и кандидатских диссертаций по ономастике; в ней приняты следующие сокращения: о — общетеоретические работы, а — антропонимы, т — топонимы, з — зоонимы, к — космонимы, э — эргонимы, и — идеонимы, м — мифонимы, ло — литературные онимы, п — прагмонимы, си — сопоставительные исследования антропонимов и топонимов (см. таблицу на с. 165).

На наш взгляд, низкая интенсивность ономастических исследований обусловлена следующими причинами: ограниченным числом исследователей, занимающихся анализом имен собственных, кажущейся бесперспективностью ономастических исследований, сложностью сбора ономастического материала, который в основном производится в полевых условиях, слабой материальной базой (если в первые годы развития ономастики ономастические экспедиции субсидировались государственными научно-исследовательскими фондами, то в настоящее время инвентаризация онимов выполняется за счет самих исследователей).

Вместе с тем количественный анализ позволяет сделать вывод о том, что современная казахстанская ономастика характеризуется активизацией рефлексии относительно состояния и перспектив развития ономастических исследований, основным объектом которых и по сей день являются топонимы различных регионов Казахстана. Начиная с 1991 г. в Казахстане, т. е. за 18 лет, выполнено 46 исследований, что почти в три раза больше, чем за предшествующие 40 лет.

Анализ исследований, проведенных в Казахстане, дает основание условно выделить 3 этапа становления казахстанской ономастики:

— первый этап (с 1949 по 1970-е гг.) характеризуется созданием казахстанской ономастической школы, исследованием казахских топонимов и антропонимов, выявлением их этимологии, структурных и лексико-семантических типов, разработкой стратификации топонимической системы, определением роли географических терминов в образовании топонимов;

— второй этап (с 1970 по 1995-е гг.): происходит активизация региональных топонимических исследований, определение проблем теории ономастики, формирование этнолингвистического направления исследований топонимов и антропонимов, расширение объекта исследований за счет космонимов, зоонимов, а также русских топонимов, функционирующих на территории Казахстана; выявляются основные мотивы топонимической и антропонимической номинации; устанавливаются тюрко-монгольские

**Распределение ономастических исследований Казахстана в хронологической
последовательности в зависимости от научного объекта (1949–2005 гг.)**

Год	Разряд имен собственных											
	о	а	т	а + т	з	к	э	и	м	л о	п	си
1949			1									
1954			1									
1960		1										
1961												
1966			1									
1967			1									
1969			1									
1976	1											
1980												
1988			1							1		
1989			2				1					
1990			1									
1991			2									
1992						1						
1993			1									1
1994			1									
1995		1										
1996												1
1997	1		1									
1998	1		1									
1999			1									
2000			1					1		1		1
2001	2	1	1				1					
2002	1	1										
2004	1		1				1		2	1		
2005	1	2	1									
2006	2		1	1							1	
2007	1	1								1		
2008	2		1									
2009												
2010			1									

топонимические параллели; разрабатываются прикладные аспекты ономастики (совершенствуются основы транскрипции и транслитерации, стандартизации имен собственных, создаются ономастические словари);

— третий этап (с 1995 г. по настоящее время): продолжают региональные исследования топонимов; разрабатываются ономастические словари (топонимов и антропонимов); развивается сопоставительное изучение топонимов и антропонимов; объектом ономастических исследований становятся эргонимы, идеонимы, мифонимы; начинается поиск новых методик и направлений в исследовании имен собственных.

Основными направлениями изучения имен собственных в Казахстане по-прежнему остаются историко-этимологическое (этимологизация географических названий, выявление субстратных топонимов), системное лексико-семантическое, мотивологическое и структурно-словообразовательное, этнолингвистическое (отражение этнокультурных кодов в антропонимике и топонимике). Фрагментарно дается описание онимов с позиций лингвокультурологического и функционального подходов.

Отрадно отметить, что казахстанская ономастика в последние годы пополнилась рядом работ, исследующих важные проблемы функционирования имен собственных. Так, А. Б. Смаиловой рассмотрены иноязычные имена собственные, участвующие в различных видах дискурса. Особый интерес вызывают иноязычные онимы, употребляющиеся в текстах газет. Проблема функционирования этих имен собственных активно разрабатывается в зарубежной ономастике, эпизодически она затрагивалась в отечественных работах, посвященных исследованию иноязычной лексики, но не была объектом специального исследования в казахской ономастике на материале казахских текстов. В то же время проблемы, возникающие при передаче иноязычных онимов, рождают новые, связанные с идентификацией объекта, о котором идет речь, с появлением различных вариантов имен собственных, затрудняющих дифференциацию объектов. Поэтому своевременное исследование этих проблем способствует решению задач нормирования передачи иноязычных онимов с позиций их унификации, стандартизации и кодификации.

Проблемы, которые решаются А. Б. Смаиловой в связи с лингвоконцептологическим подходом к имени собственному, можно обозначить как восприятие иноязычного имени собственного членами казахского языкового социума; функционирование этих единиц в коллективном сознании; определение корпуса онимов, активно функционирующих в газетном тексте, репрезентация и изучение проблемы их вариантного употребления. В результате представлен алгоритм адаптации иноязычных онимов, который является определенным вкладом в развитие переводоведческой ономастики [Смаилова, 2007].

Не менее значимым является и исследование имен собственных в сопоставительном плане. Так, изучению структуры и семантики неофициальных личных имен казахского, русского и немецкого языков посвящена диссертационная работа Т. М. Абдрахмановой. Неофициальные личные имена, как и некоторые другие периферийные сферы ономастики, относятся к числу наиболее подвижных, мобильных, быстро обновляемых разрядов онимии. При этом возникают не только новые единицы, но и не встречающиеся ранее типы и модели. Они являются наиболее интересным с точки зрения номинации и более прозрачным семантическим пластом антропонимии. Эти имена обладают частотностью использования в коммуникации. В результате исследования обоснована

зависимость неофициальных личных имен от интра- и экстралингвистических факторов [Абдрахманова, 2007].

Аналитический обзор и обобщение основных результатов ономастических исследований позволяет отметить значительные успехи в казахстанской ономастике. Тем не менее, можно сделать вывод и о том, что современное состояние ономастики в Казахстане характеризуется отсутствием генеральной координации исследований как по общетеоретическим, так и частным проблемам ономастики, преобладанием историко-лингвистических, этимологических, структурно-семантических исследований имен собственных, прежде всего топонимов. В настоящее время исследования имен собственных в русле таких направлений, как лингвокультурология, коммуникативная лингвистика, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика, психолингвистика и др. представлены единичными трудами. Тем не менее, работа в этих направлениях ведется, и это не может не радовать, поскольку ономастические исследования на современном этапе должны получить новый импульс в связи с антропо- и этноцентрической парадигмой в науке.

Таким образом, современная казахстанская ономастика располагает богатым фактическим материалом ИС различных разрядов, теоретическим и методологическим арсеналом, основанным на достижениях общей лингвистики и ономастики, которые могут способствовать углублению изучения как корпуса антропонимов и топонимов, так и других разрядов онимов.

-
- Абдрахманова Т. М.* Структура и семантика неофициальных личных имен казахского, русского и немецкого языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2007.
- Аманжолов С.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алматы, 2001.
- Аманжолов С.* Казак тили теориясынын негиздери. Основы теории казахского языка. Алматы, 2002.
- Байтурсынов А.* Тил тагылымы. Алматы, 1992.
- Горбаневский М. В.* Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994.
- Жубанов Х.* Исследования по казахскому языку. Алма-Ата, 1966.
- Иманбердиева С. Қ.* Каладағы тағамхана атаулары: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы: КазНУ, 2001.
- Ихсанғалиева Г. К.* Функционально-прагматический анализ заголовков (на материале казахстанских газет и телепрограмм): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы: КазНУ, 2000.
- Какимова М. Е.* Типология эргонимов Северо-Казахстанской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы: КазНУ, 2004.
- Керимбаев Е. А.* Казахская ономастика в этнокультурном, номинативном функциональном аспектах. Алматы, 1995.
- Керимбаева С. А.* Ономастическая экспликация мифологической модели мира в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2004.
- Кошпанова Ж. Б.* Номинация в прагматике // Вестник КазНУ. Сер. филол. 2004. № 6 (78). С. 187–189.
- Лезина И. Н., Суперанская А. В.* Ономастика. Словарь-справочник тюркских родоплеменных названий (из двух частей). М., 1994.
- Смаилова А. Б.* Адаптация иноязычных онимов в казахском тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2007.